

СКАЖИТЕ, ДОКТОР

Ведущий рубрики - доктор Шагвич
Истории от доктора

Записки доктора Кузнецова

– Доктор Кузнецов, срочно спуститесь в приёмное отделение. Повторяю, доктор Кузнецов, вам нужно незамедлительно подойти в приёмное отделение. Игорь Анатольевич, пожалуйста, побыстрее.

Он ещё толком не понял, на какой стороне сна или яви находится, и откуда пришёл звук. Одно лишь ощущение тревоги, и свет электронных часов в темноте: 02:36. Значит, спал он всего 27 минут, и его опять вызывают по внутренней связи. Да ещё и «срочно». Нелюбимое слово.

Мозг, когда его выдёргивают из короткого глубокого сна, включается на седьмой-девятой секунде. В это время руки автоматически одевают халат, а ноги сами ведут в направлении, запрограммированном где-то в самых отдалённых отделах головного мозга.

– Что случилось? Коротко и самое важное. И почему не справляетесь сами?

– Игорь Анатольевич, простите, что снова потревожила, но тут у нас тяжёлый случай, – врач приёмного отделения клинического роддома Наталья Георгиевна Петросьян встретила Кузнецова ещё на лестнице и выглядела непривычно бледной и растерянной, – пациентку привезли десять минут назад по скорой. Женщине 34 года, восьмая беременность, в анамнезе четыре выкидыша, два из них в поздних сроках, и трое родов: все беременности доношенные, но дети погибали внутриутробно на последних неделях. Женщина в этот раз у врача вообще практически не наблюдалась. Сейчас тридцать девятая неделя, ребёнок снова мертв – я сердцебиения не нахожу и на УЗИ признаков жизни не вижу. Игорь Анатольевич, она в очень тяжёлом состоянии. Скорее всего ребёнок погиб уже давно, может неделю назад, предполагаю, что началась мацерация плода. Похоже, у неё воспаление матки, перитонит и начинающийся сепсис. В скорой держали давление как могли и вводили антибиотики внутривенно. Женщина практически без сознания.

– Похоже, я догадываюсь кто это. Анна Зверева?

– Да. А откуда Вы...

– Давайте потом. А сейчас женщину в родзал, вызовите к ней наших реаниматологов, пусть подключают её на искусственную вентиляцию лёгких и массивные антибиотики через центральный венозный доступ. Проверьте запасы крови и плазмы её группы, операционная бригада пусть моется и разворачивает ургентную операционную. Вы тоже мойтесь. На всякий случай. Да, и двух акушеров мне из отделения патологии беременных в родзал вызовите, пусть

будут на подхвате.

Из приёмного покоя лифт для пациентов едет на третий этаж, где находится родильное отделение, ровно семь секунд. Кузнецов знал это точно – сколько раз уже приходилось считать. Он смотрел на работающих на ходу реаниматологов и пытался внутренне успокоиться.

«Вскрывать живот – значит матку придётся убирать. А это всё – детей у неё уже никогда не будет. Жалко. Так, ты думаешь не о том, женщину спасти надо, она давление не держит, в анализах уже есть признаки нарушения свёртываемости. Эх, кровь будет, к бабке не ходи. Надо попытаться разродить через естественные пути. А если матка закрыта, и тогда времени нет? Ладно, всё, приехали, работаем».

– Мне стерильные перчатки для осмотра. Держите ноги. Так, хорошо, есть открытие, неполное, но всё же. Ребята, – он взглянул на реаниматологов, – сколько у меня времени?

– Полчаса, максимум час. Если повезёт. Планируешь оперировать – тогда лучше сейчас, пока ещё показатели крови хоть как-то позволяют, – два дежурных реаниматолога и три медсестры колдовали над пациенткой.

– Хорошо, я понял... дайте мне подумать три минуты, – Кузнецов внезапно вышел из родзала, оставив всех в недоумении, и выскочил через ординаторскую на балкон. Закурить сразу не удавалось – тряслись руки.

«Успокойся. Затянись и подумай, как лучше сделать. Помнишь, профессор Правосудович в ординатуре говорил: «Не знаешь, как поступить – работай по учебнику». Значит: вскрываем живот, удаляем источник инфекции – матку вместе с плодом – моем брюшную полость и дренируем. Стоп! А как это там было сто лет назад на картинке в учебнике по акушерству Цовьянова?»

– Наталья Георгиевна, Вы здесь? – Кузнецов вернулся в родзал, – давайте быстро на пятый этаж в ортопедию, там у них есть такие специальные гири на блоках для вытягивания костей при переломах. Берите две килограммовые со всеми приспособлениями и бегом сюда. У вас три минуты. Бегом!

Кузнецов знал пациентку Аню Звереву уже давно – она была печально известна всем сотрудникам клинического роддома. Женщина упорно пыталась родить здорового ребёнка последние двенадцать лет: лежала с первых дней беременности на сохранении, её наблюдали самые лучшие врачи. Но всё безуспешно. С мальчиками происходили выкидыши в поздних сроках, девочки внезапно умирали внутриутробно за пару недель до родов. Генетики давно уже выяснили, что у них с мужем оказалась редкая иммунологическая несовместимость, такие случаи – один на миллион. Однако, женщина категорически запретила говорить об этом супругу и наотрез отказывалась от искусственного оплодотворения донорской спермой.

Доцент кафедры акушерства и гинекологии городского мединститута Кузнецов Игорь Анатольевич лично вёл Звереву четыре последние беременности, но даже ему –

одному из лучших акушеров кафедры и города – не удавалось ей помочь. Дети погибали внезапно, без предупреждения и предварительных симптомов.

–Значит так: я прикрепляю щипцы за кожу на головке плода, к ним вешаем через блок одну или две гири, они потянут вниз, создадут дополнительное давление, а сверху в вену капельницу с окситоцином, вызывающим схватки. За полчаса, надеюсь, справимся. Готовьте два литра крови, четыре плазмы и все имеющиеся факторы свертывания – кровотечение неизбежно. Операционная не размывается до моего распоряжения. Наталья Георгиевна, мойтесь и готовьте полостные щипцы, будет доставать ребёнка с середины малого таза. Я знаю, коллега, что так не положено, не надо сейчас об этом. У нас нет времени ждать пока она опустится на тазовое дно. Всё, работаем, быстро, но не суетябрь.

...Часы в ординаторской показывали 06:57. Кузнецов сидел на ступеньке балкона и докуривал уже четвертую сигарету подряд, не чувствуя вкуса табака. Он вообще ничего не чувствовал. Ни облегчения, ни боли, ни успокоения. Только пустоту и безразличие. Погибшего уже примерно неделю назад ребёнка, хоть и по частям, но достали, плаценту удалили, кровотечение с трудом, но остановили, матку сохранили. Показатели пациентки улучшились, она держит давление – значит жить будет. Похоже, ему в очередной раз повезло – женщину удавалось спасти.

Только у доктора Кузнецова прибавилось несколько седых волос на голове.

.....

Аня Зверева пришла на приём к доктору Кузнецову на контрольный осмотр через шесть месяцев после выписки. К счастью, в тот роковой день, когда женщина была за несколько минут от смерти, всё обошлось без опасных и длительных для неё последствий.

–Аня, Вы позволите Вас так называть, давайте поговорим серьёзно. Вы же доверяете мне? Вам необходимо менять тактику. Поймите, в следующий раз меня может не оказаться на дежурстве, когда Вас в очередной раз привезут в тяжёлом состоянии. И тогда может случиться всё, что угодно. Вас могут попросту не спасти. Понимаете?

Я знаю, вы категорически отрицаете для себя возможность искусственного оплодотворения – не хотите травмировать мужа. Любовь, наверное. Но поймите, жизнь иногда важнее. Поэтому у меня возникла идея – она не новая, но воспринимайте мои слова трезво и практично. Я отношусь к Вам с теплотой, Вы мне искренне симпатичны, и я очень хочу помочь. Потому я постараюсь выбить для Вас через городское управление здравоохранения путёвку в санаторий в тёплые края. А там... море возможностей. То есть, и море, и возможности. Лучше всего соблазнить врача. Не смейтесь, я

говорю вполне серьёзно. Во-первых, врачи почти всегда здоровы, а во-вторых, у большинства из них хорошие умные гены. Ну не смейтесь Вы, я предлагаю реальный выход из ситуации. Хотите ребёнка – беременейте не от мужа! Это единственное решение. И это серьёзно. Обещайте хотя бы подумать. И мужу ничего не стоит говорить, благородство в такой ситуации неуместно.

Через четыре месяца Анна обратилась к доктору Кузнецову на консультацию по очередной беременности в малом сроке.

С этого момента женщина провела в клинике тридцать две недели на сохранении со строгим постельным режимом и кучей лекарств. На тридцать девятой недели Кузнецов сделал ей кесарево сечение и «родил» совершенно здоровую девочку.

Счастливые родители назвали малышку Наташей в честь доктора, ассистировавшей Игорю Анатольевичу тогда, полтора года назад, когда женщине спасали жизнь. Странно, она не забыла.

–Анечка, мы Вас сегодня выписываем. Всё отлично, но... есть небольшая проблема, – доктор Кузнецов старался подбирать слова, – дело в том, что группа крови малышки не совпадает с группой и резусом Вашего мужа. Кто же мог знать... Поэтому я решил пойти ради благого дела на небольшое должностное преступление: мне не придётся лгать, я просто не впишу группу крови девочки в документы на выписку. Педиатрам, предполагаю, эта информация в ближайшее время не понадобится, муж Ваш в этом не разбирается, надеюсь пронесёт. А там, кто его знает, жизнь – длинная, она покажет.

Через месяц после долгих уговоров доктор Кузнецов согласился стать крёстным отцом новорожденной девочки.

*****

Просто решил добавить.

Двоюродный племянник уже несколько месяцев в составе бригады спецназа Гевати находится в Газе.

Никаких сообщений (запрещено), кроме о 13 погибших из его роты в самом начале. Родители парня ездили практически на все похороны, куда успели, – такая традиция.

Больше всего в его семье боятся стука в дверь – сотрудники подразделения, оповещающего о гибели солдата, не звонят, а только стучат.

У них свой дом, ворота с улицы метрах в десяти. В той стороне дома нет окон, поэтому кто-то всё время дежурит во дворе – боятся не услышать, если придут. В основном «дежурит» 72-летняя бабушка, чтобы, не дай Б-г, не пропустить стук. Она сидит на улице, включает канал по радио, где поимённо сообщают о всех погибших, выкуривает по две пачки сигарет в день и выпивает по два литра кофе, смотрит на ворота и ждёт. Молча ждёт.

Всем мира и добра.

Ваш доктор Шавевич